Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 3. С. 66–74. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 3, pp. 66–74. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.6.2. Всеобщая история
УДК 94(430)”1899/1902”
EDN VIUQUG
https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-66-74

# ВТОРАЯ АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА КАК СТРАТЕГИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ПАНГЕРМАНСКОГО СОЮЗА

**Турыгин Александр Александрович**, кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственный университет, aturigin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0758-6422

***Аннотация.*** Вторая англо-бурская война (1899–1902) рассматривается не просто как колониальный конфликт, а как тщательно спланированная стратегия внутренней мобилизации немецкой общественности со стороны Пангерманского союза. Такое смещение фокуса внимания с точки зрения традиционных оценок колониальной войны представляется принципиально новым для отечественной и зарубежной историографии. На фоне нарастания международной напряжённости германские националисты увидели в этой войне возможность неполитического давления на правительство. Для достижения этой цели был выбран прагматический подход, направленный на завоевание общественного доверия и обретение коллективной поддержки. Его суть выражалась в активном продвижении тезиса о приоритете национальных интересов и национальном единстве, которое ещё только предстояло завершить (объединение Германии в 1871 г. воспринималось как промежуточный этап), а также в предпочтении любым частным (партикулярным) интересам – партийным, сословным или конфессиональным – интересов общих. Эта искусственная игра на чувствах национального единства принесла свои плоды, выразившиеся в увеличении численности Пангерманского союза и укреплении его позиций в немецком обществе. Однако успех имел и обратную сторону, породив внутренние противоречия внутри организации. Одна часть руководства Пангерманского союза видела в провоцировании конфронтации с правительством опасный и опрометчивый путь, который мог привести к непредсказуемым последствиям для его членов. В то же время другая часть, более молодая и радикальная, настаивала на использовании возросшей популярности Пангерманского союза для превращения его в действенную группу общественного (неполитического) давления.

***Ключевые слова:*** англо-бурская война, колониализм, международные отношения, внешняя политика, национализм, Пангерманский союз, национальные интересы, пропаганда и агитация.

***Для цитирования*:** Турыгин А.А. Вторая англо-бурская война как стратегия общественной мобилизации Пангерманского союза // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 3. С. 66–74. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-66-74

Research Article

# THE SECOND BOER WAR AS A STRATEGY FOR PUBLIC MOBILISATION OF THE PAN-GERMAN LEAGUE

**Alexander A. Turygin**, PhD in History, Associate Professor, Department of History, Kostroma State University, Kostroma, Russia, aturigin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0758-6422

***Abstract.*** The Second Boer War (1899–1902) is viewed as a strategy for the internal mobilisation of German society, which had been carefully planned by the Pan-German League, rather than a mere colonial war. This shift in focus from the point of view of traditional assessments of a colonial war appears fundamentally new for German and foreign historiography. Against a backdrop of rising international tensions, German nationalists saw the war as an opportunity to exert non-political pressure on the imperial government. To achieve this goal, a pragmatic approach was chosen, aimed at winning broad public support. Its essence lay in the active promotion of the thesis of the priority of national interests over any private interests, be they party, religious, or class. This skillful play on feelings of national unity bore fruit, manifested in an increase in the Pan-German League’s membership and the strengthening of its position in society. However, this success also had a downside, giving rise to internal contradictions within the organisation. Some sections of the Pan-German League’s leadership saw provoking confrontation with the government as a dangerous and reckless path that could lead to unpredictable consequences for its members. At the same time, another, more radical faction insisted on using the Pan-German League’s increased popularity to transform it into an effective public pressure group.


© Турыгин А.А., 2026

***Keywords:*** Second Boer War, colonialism, international relations, foreign policy, nationalism, Pan-German League, national interests, propaganda and agitation.

***For citation:*** Turygin A.A The Second Boer War as a strategy for public mobilization of the Pan-German League. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 3, pp. 66–74. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-66-74

Вплоть до середины XIX в. Южная Африка играла лишь второстепенную роль в немецком колониальном дискурсе. Ситуация начала меняться с созданием бурских республик к северу от реки Вааль (Трансвааль, 1852 г.) и Оранжевой реки (Оранжевое Свободное государство, 1854 г.) в результате англо-бурских конфликтов и научного освоения континента. Основание обоих государств бурами (или африканерами) стало следствием их переселения из английской Капской колонии, образованной ещё в конце XVIII в. в той части Южной Африки, где ранее обосновались голландцы. Великий трек – массовое и фактически вынужденное переселение потомков тех самых голландцев, буров, на север от Капской колонии, начавшееся в 30-е гг. XIX в. В воспоминаниях президента бурской Южно-Африканской республики (Трансвааля) Пауля Крюгера (1883–1900) содержится упоминание о причинах переселения: «Нас гнало прочь не столько стремление к свободе, сколько проводимая англичанами политика равноправия туземцев с христианами, противоречащая божеским заповедям, различию расы и религии; повиновение этому ярму нетерпимо для христиан, поэтому мы удалились, чтобы не осквернять своих идеалов» [Крюгер: 12].

Однако наиболее значительный импульс бурскому движению придало обнаружение алмазов в Южной Африке в 1867 г., которое привело к росту колониальной конкуренции между европейскими державами, рассматривавшими Африку как сферу своего влияния. Интерес к африканским территориям был вызван ещё и небывалым ростом колониального движения в самих европейских странах («колониальный бум»), охватившим их в конце 80-х гг. XIX в.

Колониальный энтузиазм конца XIX в., или имперская лихорадка, стал одним из наиболее определяющих явлений в истории Европы, существенно изменившим политическую карту мира и отношения между народами. Этот период, охвативший примерно три десятилетия, был отмечен беспрецедентной экспансией европейских держав на африканский континент, приведшей к разделу Африки. В западной, преимущественно англо-американской историографии устоявшимся стал другой, более выразительный термин «схватка за Африку» (Scramble for Africa) [Pakenham]. Впрочем, в связи с тем, что он наиболее полно характеризует колониальную конкуренцию европейских держав, не учитывая её последствий для африканских народов, современные исследователи колониализма всё чаще предпочитают ему другие: «раздел Африки» (Partition of Africa), «завоевание Африки» (Conquest of Africa), «изнасилование Африки» (Rape of Africa) [Wesseling, Pomerans].

Причины колониального подъёма оказались тесно переплетены друг с другом, повлияв на экономические, политические, социальные и идеологические аспекты европейского общества конца XIX в. Экономические факторы, несомненно, сыграли ключевую роль. Промышленная революция, достигшая своего апогея во второй половине XIX в., породила огромный спрос на сырье, которым изобиловали колонии. Хлопок, каучук, древесина и цветные металлы были необходимы для бесперебойной работы фабрик и предприятий. В то же время колонии представляли собой идеальные рынки для сбыта готовой продукции европейской промышленности, зачастую с меньшей конкуренцией, чем на внутреннем рынке. Таким образом, экономические выгоды от владения колониями были неоспоримы для буржуазии, которая стремилась к увеличению собственного капитала.

Политические амбиции и национализм также стали мощными движущими силами колониальной экспансии. В условиях конкуренции между европейскими державами, особенно после объединения Германии и Италии, приобретение колоний стало вопросом престижа и демонстрации национальной мощи. «Игра великих держав» требовала постоянного расширения сфер влияния, консолидации территорий и создания стратегически важных опорных пунктов. Колонии рассматривались как показатель статуса на мировой арене, и их потеря могла сигнализировать об упадке и утрате международного авторитета.

Нельзя недооценивать и идеологические основы колониализма. Миссионерская деятельность, стремление «цивилизовать» «отсталые» народы и идеи расового превосходства – всё это служило духовным оправданием колониальной политики. Философия «бремени белого человека» обращала европейцев к моральной ответственности за распространение своей культуры, религии и образа жизни по всему миру. Эти идеи, подкреплённые социал-дарвинизмом и попытками применить принципы естественного отбора к человеческим обществам, создали благоприятную почву для оправдания колониальной экспансии.

Современные интерпретации колониализма, не отрицая общих факторов, обращают внимание на широкий спектр эффектов и влияний, которые он оказывал на саму метрополию или же на колонии, формируя в них уникальный для региона колониальный порядок. В обобщающем трёхтомном исследо-

вании Ю. Остерхаммеля европейскому колониализму отводится ключевая роль на ранних стадиях глобализации, поскольку он связал различные части мира экономически, политически и культурно, хотя и открыто эксплуататорскими способами. В то же время в самих метрополиях колониализм явно или скрыто приводил к экономической зависимости, культурной эрозии, а также формировал предпосылки для политической нестабильности или социального конфликта [Остерхаммель].

Исследование С. Конрада обращает внимание на эффект колониального воображения, который был связан с тем, что колониализм формировал определённые образы и проекции в обществе, стремящемся понять себя в менявшихся условиях реальности. С одной стороны, речь шла о возникновении имперской идеологии нации, которой историей уготована великая миссия стать господствующей, с другой стороны, представлений о собственной уникальности по отношению к «другому». Такое воображение поддерживалось многочисленной колониальной публицистикой, возникшей вследствие колониального подъёма и интереса к заморским территориям [Conrad: 87–89].

Таким образом, европейский колониализм конца XIX в. был сложным явлением, порождённым слиянием экономических интересов, политических обид, националистических амбиций и специфических идеологических взглядов. Его подъем, приведший к усилению колониального соперничества, оставил глубокий и трагический след в истории человечества.

Для рейха Отто фон Бисмарка, весьма неохотно втягивавшегося в войны за пределами Европы, ввиду предпочтения железным канцлером европейского вектора внешней политики, колониальный энтузиазм и требования активного экспансионизма после его отставки стали мощным фактором общественной мобилизации. Своего апогея она достигла в связи с реакцией на англо-бурскую войну 1899–1902 гг. В конце XIX в., на фоне колониальной напряжённости, общественное мнение в Германской империи демонстрировало явную симпатию к бурам, проживавшим в Южной Африке. Эта симпатия была не спонтанным импульсом, вызванным началом южноафриканского колониального конфликта, а, напротив, представляла собой результат сложного взаимодействия исторических, культурных и политических факторов. Для немцев буры представляли собой нечто большее, чем просто далёких поселенцев. Прежде всего, буры воспринимались как потомки европейцев, защищавших свою независимость за пределами Старого света. Их история, начиная с Великого трека – массового исхода из контролируемой британцами Капской колонии, – была полна мужества, стойкости и героизма. Их борьба с британцами перекликалась с национальной риторикой самой Германии, которая лишь недавно объединилась и стремилась занять своё место на мировой арене. Препятствием для этих устремлений была могущественная Британская империя, которая не желала становиться безмолвным свидетелем «рывка к мировому господству» со стороны молодого рейха. Более того, буры, которых немцы часто называли «братьями», хотя и не относились к германским племенам в классическом смысле, имели с ними глубокие исторические и культурные корни. Бурское население в основном состояло из потомков голландских, французских и немецких протестантов, которые начали расселяться на мысе Доброй Надежды ещё в середине XVII в., в том числе спасаясь от религиозных гонений в Европе. Впрочем, генеалогическая связь с германским этносом существовала, пусть и не в доминирующей форме. Куда более важным, чем религиозное родство, было восприятие буров как носителей европейской, а значит, в значительной степени германской культуры и ценностей. Их язык, африкаанс, развился из голландского языка, но включал в себя элементы и других европейских языков, в том числе немецкого, что делало буров понятными большинству немцев. Их строгая протестантская вера и ценности трудолюбия, дисциплины и бережливости, патриархальности и основательности также находили отклик в консервативных немецких кругах. Высокая степень симпатии немцев к бурам объяснялась также тем, что их стремления к независимости и национальному самоопределению постоянно подрывались извне теми, кто стремился к имперскому универсализму и тотальному господству. Образ буров как свободного народа, сопротивлявшегося имперской мощи Британии, вызывал сочувствие в немецкой прессе. Британцы, традиционные соперники Германии, изображались как агрессоры, посягавшие на права и самобытность буров. Эта антибританская риторика, подогреваемая давними историческими обидами и опасением растущего могущества Альбиона, служила мощным стимулом для кампаний в поддержку буров в Германии [Ерусалимский: 68–97; Англо-бурская война].

Основа для немецкого бурского движения была заложена с конца 1870-х гг. Эрнстом фон Вебером, чьё агитационное наследие было подхвачено Пангерманским союзом в 1890-х гг. Впрочем, реакция немецкого общества была неоднозначной. С одной стороны, существовали круги, симпатизировавшие бурам, видя в них носителей идеалов свободы и независимости, борющихся против британской экспансии. Эти симпатии часто были окрашены антисемитскими настроениями, направленными против британских финансовых кругов, которые, по мнению многих, стояли за войной. С другой стороны, значительная часть немецкого общества, особенно среди

правящих элит и военных, ориентировалась на прагматические интересы Германии, осторожно оценивая возможности для расширения своего влияния и опасаясь обострения отношений с Великобританией.

Пангерманский союз, будучи ярым апологетом германского экспансионизма, не мог остаться в стороне от таких событий. Он активно использовал англо-бурскую войну как площадку для общественной мобилизации, нашедшей отражение в нескольких плоскостях: 1. В пропаганде антибританских настроений. Через свои многочисленные издания и публичные мероприятия пангерманцы всячески демонизировали Британскую империю, представляя её как жадного и жестокого агрессора. Во многих публикациях акцентировалось внимание на предполагаемых зверствах британской армии и на правах немецкоговорящего населения, находящегося под угрозой; 2. В общественной поддержке буров. Пангерманский союз организовывал сбор средств и гуманитарной помощи для буров, стремясь продемонстрировать солидарность с ними. Эти акции, пусть и не всегда достигавшие значительных практических масштабов, имели большое символическое значение, создавая образ единого германского народа, готового поддержать своих; 3. В давлении на имперское правительство. Пангерманский союз и иные националистические организации оказывали давление на правительство, требуя более активной поддержки буров и даже, в некоторых экстремальных случаях, прямого военного вмешательства. Хотя эти требования не были удовлетворены, они демонстрировали растущую агрессивность немецкого национализма и его стремление к пересмотру баланса сил в мире.

Ещё до начала Второй англо-бурской войны на съезде Пангерманского союза в Лейпциге, который проходил с 8 по 10 июня 1897 г., была принята соответствующая резолюция по «бурскому вопросу». С докладом на эту тему выступил Т. Райсман-Гроне. На съезде было решено, что Великобритания будет стремиться к включению Оранжевого Свободного государства, Южно-Африканской Республики и португальской провинции Мозамбик в состав Британской империи. Следствием присоединения непременно станет ассимиляция населения Южной Африки в английскую расу, по аналогии с процессом, некогда происходившим в Соединённых Штатах. Британская политика ассимиляции несёт угрозу германским экономическим интересам и в конечном итоге приведёт к потере немецких колоний в Африке. Докладчик заключил, что такая самонадеянная политика, основанная на убеждении англичан в том, что они являются великой державой, обладающей особыми правами в Африке, не имеет под собой никаких исторических или правовых оснований и должна быть решительно отвергнута. В этой связи Т. Райсман-Гроне призвал единомышленников к тому, чтобы они начали содействовать бурам в Южной Африке. Его план содействия включал некоторые принципиальные элементы: 1. Буров следует поощрять к тому, чтобы они не поддерживали британские инициативы, разжигая недовольство под знамёнами свободы, пока их суверенитет не будет окончательно признан; 2. Выступать за создание сети немецких консульств в Южной Африке, в частности в Оранжевом Свободном государстве, Трансваале и Мозамбике, которые стали бы выполнять посреднические функции для урегулирования конфликта; 3. Объединить все немецкие языковые и культурные сообщества Южной Африки в многочисленные объединения, которым следует оказывать прямую поддержку в деле распространения общегерманской культуры; г) Содействовать переселению немецких крестьян в Южной Африке, усилив ими поддержку буров [Reismann-Grone 1910: 41].

С началом англо-бурской войны по всей стране пангерманцами были организованы и проведены патриотические мероприятия в поддержку буров. С сентября 1899 г. филиалы Пангерманского союза проводили массовые встречи и сбор средств для тех, кто пострадал в англо-бурской войне или попал в плен. Была собрана значительная сумма – 60 тысяч рейхсмарок [Шмидт: 219]. Пангерманская газета *Alldeutsche Blätter* обрушилась с резкой критикой на имперское правительство, которое предпочло занять позицию стороннего наблюдателя. Ещё 25 декабря 1898 г., комментируя ситуацию вокруг бурской проблемы, издание писало: «Немецкая политика в отношении Южной Африки резко переменилась, подтверждением этому может служить телеграмма нашего императора президенту Крюгеру, а также речь в рейхстаге государственного секретаря фон Маршалла… Однако борющимся бурам правительство в помощи отказало, и депутаты поддержали это решение» [Alldeutsche Blätter 1898].

Негодование пангерманцев по поводу неуместной осторожности правительства и рейхстага по поводу англо-бурской войны связывались с надеждами на вмешательство кайзера. Ранее стремившийся к личному авторитету и действовавший весьма необдуманно император Вильгельм II уже демонстрировал своё отношение к бурам. Когда в конце 1895 г. британский колониальный чиновник Линдер Джеймсон предпринял военный рейд на территорию Южно-Африканской республики, Вильгельм II, молодой и амбициозный монарх, увидел в этом событии возможность для решительного шага. Первоначальный импульс привёл его к мысли о необходимости установления германского протектората над Трансваалем и отправки туда войск. Это было бы не просто дипломатическое заявление, а прямое столкно-

вение интересов с Великобританией, империей, чьё господство на морях и колониальные владения не вызывали сомнений. Однако после некоторого раздумья кайзер предпочёл более осторожный, но от этого не менее значимый шаг. Вместо прямого военного вмешательства Вильгельм II решил ограничиться дипломатическим инструментом, который, как он надеялся, окажет должное давление на Лондон. Так родилась знаменитая «Телеграмма Крюгеру» – послание, направленное германским императором Паулю Крюгеру, президенту Южно-Африканской Республики, 3 января 1896 г. Это было не просто поздравление с отражением рейда, а недвусмысленный сигнал поддержки бурам и, более того, явное выражение недовольства действиями британской стороны. Телеграмма, призванная продемонстрировать силу и влияние Германии, в итоге лишь подогрела напряжённость и стала одним из катализаторов новой англо-бурской войны. По мнению С. Бендера, проанализировавшего реакцию немецкой общественности, «Телеграмма Крюгеру» показала высокую осведомлённость в Германской рейхе о событиях в Южной Африке [Bender: 29]. Однако главной проблемой для прессы тогда было получение достоверных новостей с театра военных действий. Сообщения в газетах были доступны чаще всего только через Великобританию и поэтому могли считаться предвзятыми, получение же прямых сведений из Африки было возможно лишь изредка.

По данному поводу пангерманская газета *Rheinisch-Westfälische Zeitung*, главным редактором которой был член исполнительного комитета Пангерманского союза Т. Райсман-Гроне, сообщала о том, что никто не обладал всей полнотой информации о происходящем, так как информационный дефицит был обусловлен английской цензурой, контролировавшей практически все газетные сообщения [Rheinisch-Westfälische Zeitung].

Европейское турне П. Крюгера, предпринятое им для поддержки буров 21 октября 1900 г., когда военные действия в Южной Африке уже переросли в партизанскую войну, стало апогеем пангерманской кампании в поддержку буров, а также их разочарованием действиями имперского правительства, которое предпочло политику нейтралитета. Несмотря на огромную популярность П. Крюгера, правительство рейха с самого начала дало понять, что не примет президента на территории Германии и что ему не следует приезжать в Берлин. Однако, на контрасте с официальной позицией, П. Крюгера с энтузиазмом встретила большая толпа в Кёльне в начале декабря 1900 г. В своих воспоминаниях П. Крюгер с теплотой отозвался о поездке в Кёльн, где, по его словам, «царило такое настроение, которого, пожалуй, никогда раньше не видел этот город… Из-за большого количества людей [Крюгеру] пришлось даже ехать до отеля по крайне извилистому маршруту» [Крюгер: 257]. Там же, в Кёльне, президент получил телеграмму от Вильгельма II, в которой было сказано, что кайзер не сможет принять его лично, так как находится на охоте [Крюгер: 257].

Организацию кёльнской встречи П. Крюгера взяли на себя пангерманцы. 2 декабря президент принял представителей нескольких филиалов Пангерманского союза из рейнланд-вестфальского округа (гау), находившегося под управлением Т. Райсман-Гроне. Он приветствовал П. Крюгера словами: «Мы, немцы, принадлежим к одному племени и одной крови с соотечественниками Вашего Превосходительства в Трансваале, и мы все надеемся на успех Вашей миссию в Европе. Все присутствующие с энтузиазмом присоединились к приветствию. После того как П. Крюгеру были переведены слова пангерманца, президент встал и поблагодарил всех присутствовавших на голландском языке. Пангерманская пресса сообщила, что П. Крюгер особо подчеркнул, что и он сам поддерживал родственные связи своего народа с немцами; его прадед был немцем, а бурские предки происходили от немцев, голландцев и гугенотов. Он молился Богу, чтобы справедливое дело буров не погибло и чтобы мир наконец-то восстановился в истерзанной Южной Африке [Hasse: 102].

Новость об отказе П. Крюгеру в высочайшей аудиенции и встрече в Берлине, потрясшая пангерманцев, привела их к мысли об официальном визите в Гаагу, куда П. Крюгер направился непосредственно из Германии. Делегация от Пангерманского союза состояла из 15 человек. Её возглавил председатель организации Э. Хассе, являвшийся к тому моменту ещё и депутатом рейхстага от Национал-либеральной партии. Именно в этом качестве и в составе группы из своих помощников по работе в партийной фракции и в руководстве Пангерманского союза Э. Хассе нанёс официальный визит П. Крюгеру. Пангерманская пресса особо подчеркнула партийный статус Э. Хассе, надеясь вызвать соответствующую реакцию в Берлине. На встрече с П. Крюгером председатель Пангерманского союза обратился к президенту со словами о том, что, хотя сама делегация не представляла официальную власть, она выступила от лица всего «глубоко опечаленного и взволнованного немецкого народа, чтобы отдать дань уважения его [Крюгера] внушающей благоговение личности» [Alldeutsche Blätter 1900]. Сославшись на события восьмидесятилетней голландско-испанской войны семнадцати провинций против испанского владычества (1568–1648), приведшей к независимости Республики, Э. Хассе провёл соответствующие параллели с современной ему ситуацией. Он упомянул о том, что прошло уже много лет с тех пор, как 7 мая 1578 г. фландрский теолог-кальвинист Филипп ван Марникс (1518–1598) на Об-

щегерманском имперском съезде в Вормсе обратился к императору и князьям с просьбой о помощи против испанцев от имени голландских провинций, однако тогда в ней было отказано. С тех пор германоязычные Нидерланды обособились вдоль рек Шельды, Мааса и Рейна и отделились от Германской империи. Прочная связь, о которой говорил Филипп ван Марникс, была разорвана. Этим сравнением председатель Пангерманского союза ясно дал понять: отказывая бурам в военной поддержке, правительство лишает германских колонистов в Юго-Западной Африке союзнической помощи с их стороны [Hasse: 101].

Решившись на открытую поддержку П. Крюгера в Гааге, Пангерманский союз вызвал соответствующую реакцию в Германии: от открытых жестов одобрения на фоне бездействия правительства до осуждения со стороны правительства. Вообще, англо-бурская война для Пангерманского союза – а точнее, осознанное решение перейти к открытой конфронтации с имперским правительством – сопровождалась двойственным эффектом. С одной стороны, активная поддержка буров, которую пангерманцы связали с вопросами общей германской идентичности и рассматривали как стратегию внутренней мобилизации, обернулась ростом численности Пангерманского союза. К 1901 г. Пангерманский союз достиг своей максимальной численности перед Первой мировой войной, насчитывая в своих рядах около 22 тыс. человек. С другой стороны, отход от традиционной поддержки правительства рейха привёл к внутреннему конфликту, имевшему возрастной окрас. Камнем преткновения стала та самая поездка пангерманской делегации во главе с Э. Хассе в Гаагу ради встречи с П. Крюгером и вручения ему письма о поддержке. Старшие и наиболее умеренные представители руководства Пангерманского союза, такие как граф Герман фон Арним-Мускау, граф Удо цу Штольберг-Вернигероде, Вильгельм фон Кардорф-Вабниц, выступили против поездки. Г. фон Арним-Мускау даже заранее проинформировал кайзера о намерениях руководства организации. Вильгельм II ясно дал понять, что не потерпит никаких попыток повлиять на его внешнюю политику. Он попросил Г. фон Арним-Мускау убедить руководство Пангерманского союза отказаться от своих планов [Frech: 149].

В то время как Э. Хассе готов был согласиться, его молодой заместитель, Г. Класс, при поддержке представителей более молодого поколения пангерманцев (П. Симонс, А. Самасса) заявил на очередном собрании исполнительного комитета, что «для нас, пангерманцев... Голландия не является чужой страной, а, согласно исследованиям рас, голландцы являются частью немецкого народа, и поэтому нет ничего, что могло бы помешать выражению поддержки бурам в Гааге» [Claß: 56]. Г. Класс инициировал поимённое голосование. Ему удалось, при поддержке своих единомышленников, в итоге добиться принятия своей позиции.

Поездка в Гаагу не прошла бесследно, достигнув желаемого Г. Классом эффекта. Лояльная правительству пресса охарактеризовала эту акцию как безудержную критику имперской внешней политики. Депутата Э. Хассе призвали к ответу во время сессии рейхстага 12 декабря 1900 г. Он выступил в свою защиту, отвергнув все обвинения в превышении служебных полномочий, связанных с его визитом в Гаагу к президенту бурской республики П. Крюгеру. Депутату Э. Хассе пришлось защищать не только себя, но и своих единомышленников, занимавших государственные посты (А. Лера, Г. Класса, Ю.Ф. Лемана, П. Самассу, А. Гайзера). Ему лично ставили в вину обращение к П. Крюгеру от имени всего немецкого народа, а также осуждение официального внешнеполитического курса Германской империи [Stenographische Berichte: 413].

Вслед за Э. Хассе в рейхстаге выступил рейхсканцлер Б. фон Бюлов. В саркастической и насмешливой речи Б. фон Бюлов осудил действия пангерманцев как антиправительственную агитацию и назвал их группой людей, которые считают, что могут вести политику «с позиции человека, сидящего на скамейке в пивной». Рейхсканцлер рассуждал: «Бисмарк поступал правильно, отказываясь представлять чьи-либо иностранные интересы вместо наших собственных. А в чём, собственно, состоят наши интересы? Хороший вопрос для политика! Отвечая на него, важно помнить, что интересы не могут быть движущей силой политики, схожей с моральной философией сидящих на скамье в пивной. Я уважаю идеализм господина Хассе, который, рассуждая об интересах, никогда не должен пренебрегать угрозами безопасности будущего Германии. Об этом никогда не забывает рейхсканцлер, поскольку это его святой долг и обязанность». (*Оживлённые аплодисменты*) [Tagesgeschichte]. Обращаясь лично к Э. Хассе, рейхсканцлер подчеркнул, что личный идеализм отдельных лиц не должен ставить под удар общественное благосостояние и ставить под сомнение будущее нации [Stenographische Berichte: 473–474].

После этих слов Б. фон Бюлова по залу пленарного заседания разнёсся смех. Рейхсканцлер продолжал, публично осудив компетенцию пангерманцев в вопросах внешней политики и высмеяв их как группу, предъявляющую нереалистичные и высокомерные требования. Э. Хассе был риторически бессилен противостоять этим красноречивым заявлениям. Запоминающаяся фраза «политика пивной скамьи» (Bierbankpolitik) в кругах, занимавшихся реальной политикой, даже во время Первой миро-

вой войны считалась синонимом политики, оторванной от реальности, некомпетентной, бессмысленной и, следовательно, не подлежащей обсуждению, а пангерманцы рассматривались как самые ярые её представители.

Ответ Э. Хассе был не настолько красноречив. Он подчеркнул важность отстаивания германских интересов, что, по его словам, всегда было приоритетом для Пангерманского союза. Он также призвал к солидарности немцев с их «братьями» бурами, которые, по его мнению, были «напрасно отброшены», и указал на просчёты в действиях рейхсканцлера Б. фон Бюлова. По убеждению Э. Хассе, эти ошибки коренились в чрезмерной уступчивости правительства по отношению к Великобритании, которая, как он заявил, «непрерывно обманывала немцев во всех прежних договорённостях» [Stenographische Berichte: 473]. Эмоциональное воздействие речи председателя Пангерманского союза в поддержку буров усилила организованная пангерманцами церемония у памятника Арминию в Детмольде. Особую роль в подготовке этого мероприятия сыграл Т. Райсман-Гроне, ранее активно писавший газетные статьи об историческом родстве немцев и буров. Весенняя акция 1901 г. собрала около 7 тыс. участников, среди которых преобладали мелкие ремесленники, земледельцы и рабочие [Reismann-Grone 1901: 282–283].

По мнению Р. Чикеринга и С. Бендера, именно тогда произошёл принципиальный сдвиг в позиции немецкой общественности: курс правительства и политическое понимание националистических групп начали расходиться, и Пангерманский союз, в частности, все больше полагался на прямую мобилизацию широких масс [Chickering: 68; Bender: 229].

Тем не менее руководящие органы стремились ослабить напряжённость. Г. Класс ответил на речь рейхсканцлера, заявив, что Пангерманский союз, членами которого были учёные и политики, действительно предпочитал заниматься анализом реальной политики. Публично Пангерманский союз заявил, что никоим образом не находится в принципиальной оппозиции правительству. Однако внутри Г. Класс и Т. Райсман-Гроне продолжали требовать конфронтационного курса и усиления критики правительства. Оба, не имея депутатских мандатов, зашли так далеко, что допустили критику кайзера. Однако внутри руководящего комитета преобладали опасения по поводу чрезмерно радикальной оппозиции. Старшие и умеренно-консервативные члены Пангерманского союза, представлявшие высшую аристократию, по-прежнему выступали за более мягкий подход. Однако им не удалось добиться успеха. Не желая брать на себя ответственность, аристократы старшего поколения вышли из руководства Пангерманского союза. Причиной для выхода из организации стало введение в состав правления Пангерманского союза трёх бурских генералов (Луис Бота, Якобус Геркулаас де ла Рей, Христиан Девет) после того, как им официально было отказано в аудиенции императора Вильгельма II [Kröll: 32–36].

Йоханнес Ляйхт, автор политической биографии Г. Класса, утверждает, что после выхода из руководства Пангерманского союза графов Г. фон Арним-Мускау и его двоюродного брата У. цу Штольберг-Вернигероде у молодого заместителя председателя Г. Класса больше уже не было оппонентов. Вакуум власти, который временно образовался в исполнительном комитете Пангерманского союза, вскоре был заполнен двумя новыми и гораздо более умеренными членами. Впрочем, новая реальность, по словам исследователя, оказалась для пангерманцев совсем иной, чем того хотелось. Из страха продолжения открытой конфронтации с правительством рейха ежегодный прирост численности Пангерманского союза остановился на ближайшие несколько лет [Leicht: 106–107].

Процесс развития Пангерманского союза, подогреваемый англо-бурской войной и осознанием «жгучей обиды из-за предательства буров» [Девет: 4], подтолкнул руководство организации к усилению обособленности в политическом и организационном плане. На фоне развернувшейся критики правительства, когда пангерманцы всё чаще стали выдавать свою позицию за позицию всей немецкой нации, дальнейшее существование Пангерманского союза стало во многом зависеть от умения его лидеров сохранять своё идейное влияние на широкой политической арене. Поскольку Пангерманский союз не являлся массовой организацией, это означало, что он должен был стремиться к созданию действенного инструмента воздействия на политические партии.

Для Пангерманского союза англо-бурская война была не просто очередным геополитическим событием, давшим повод для публичных лекций с целью разъяснения внешней политики рейха или же объяснения тонкостей колониального конфликта немецкой аудитории. Она стала своего рода испытательной лабораторией. Пангерманцы рассматривали эту войну как уникальную возможность продемонстрировать свою силу и попытаться мобилизовать немецкое общественное мнение в поддержку антибританской позиции. Несмотря на невозможность прямого немецкого вмешательства в конфликт, Пангерманский союз развернул активную кампанию в поддержку буров. Эта кампания носила не только пропагандистский характер, но и служила средством давления на имперское правительство. Поведение пангерманцев в этом конфликте приводит к мысли о том, что они тщательно анализировали каждый шаг, оценивая свою

способность привлекать сторонников и формировать общественное мнение. Это была попытка доказать, что в самом обществе складывалась влиятельная сила, способная защищать национальные интересы неполитическими средствами. Однако прямой военной помощи бурам оказано не было, и пангерманская кампания не достигла поставленных целей. Однако, несмотря на очевидную неспособность изменить ход конфликта, втянув в него имперское правительство, Пангерманский союз приобрёл бесценный опыт. Пангерманцы смогли оценить свои организационные ресурсы, выявить сильные и слабые стороны усилий в области связи с общественностью и, что наиболее важно, понять, как использовать подобные кризисы для усиления собственного влияния. Англо-бурская война, по сути, стала важным шагом для пангерманцев на пути к утверждению себя в качестве силы, способной бросить вызов существовавшему порядку, особенно по части давления на правительство.

## Список литературы

*Источники*

*Девет Х.Р.* Борьба буров с Англией: Воспоминания бур. ген. Хр. Девета. Санкт-Петербург: А.Ф. Маркс, 1904. 502 с.

*Крюгер П.* Буры против англосаксов. Воспоминания Президента Южно-Африканской республики. Москва: Родина, 2024. 332 с.

Alldeutsche Blätter: Mitteilungen des Alldeutschen Verbandes, 1898, 9. Jahrgang.

*Claß H.* Wider den Strom: vom Werden und Wachsen der nationalen Opposition im alten Reich. Leipzig, Koehler, 1932, S. 421.

*Hasse E.* Der Alldeutsche Verband und Präsident Krüger. Zwanzig Jahre alldeutscher Arbeit und Kämpfe. Leipzig, 1910, S. 99–102.

*Reismann-Grone T.* Burenkundgebung bei dem Hermannsdenkmal. Alldeutsche Blätter: Mitteilungen des Alldeutschen Verbandes, 1901, 11. Jahrgang, Nr. 23, S. 282–283.

*Reismann-Grone T.* Zur Transvaalfrage. Zwanzig Jahre alldeutscher Arbeit und Kämpfe. Leipzig, Theodor Weicher, 1910, S. 40–41.

Rheinisch-Westfälische Zeitung, 14. Oktober, 1899.

Stenographische Berichte des Reichstags, X. Legislaturperiode, 2. Session (1900–1903). Berlin, Norddeutsche Buchdr. und Verl.-Anstalt, 1904, S. 808.

Tagesgeschichte: Deutsches Reich. Hohenstein-Ernstthaler Tageblatt und Anzeiger, Freitag, den 14. Dezember, 1900, 27. Jahrgang, Nr. 289.

*Исследования*

Англо-бурская война 1899–1902 годов: опыт и перспективы исследования. Москва: Ин-т Африки РАН, 2023. 368 с.

*Ерусалимский А.С.* Германский империализм: история и современность. Москва: Наука, 1964. 664 с.

*Остерхаммель Ю.* Преображение мира. История XIX столетия: в 3 т. / пер. с нем. А. Ананьевой, К. Левинсона, Д. Сдвижкова. Москва: Новое лит. обозрение, 2024.

*Шмидт В.* Англо-бурский конфликт в освещении периодической печати Германии. 1895–1902 годы // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 218–220.

*Bender S.* Der Burenkrieg und die deutschsprachige Presse. Wahrnehmung und Deutung zwischen Bureneuphorie und Anglophobie 1899–1902. Paderborn, 2009, S. 296.

*Chickering R.* We Men Who Feel Most German. A Cultural Study of the Pan-German League, 1886–1914. Boston, Allen & Unwin Publ., 1984, 365 p.

*Conrad S.* Deutsche Kolonialgeschichte, 5. Aufl. München, C.H. Beck, 2023, S. 128.

*Frech S.* Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone. Biographie eines völkischen Nationalisten (1863–1949). Paderborn, Schöningh, 2009, S. 463.

*Kröll U.* Die internationale Buren-Agitation 1899–1902: Haltung der Öffentlichkeit und Agitation zugunstender Buren in Deutschland, Frankreich und den Niederlanden während des Burenkrieges. Münster, Regensberg, 1973, S. 478.

*Leicht J.* Heinrich Claß, 1868–1953: Die politische Biographie eines Alldeutschen. Paderborn, Schöningh, 2012, S. 462.

*Pakenham T.* The Scramble for Africa: The White Man's Conquest of the Dark Continent from 1876 to 1912. New York, Random House Publ., 1991, 979 p.

*Vandervort B.* Wars of Imperial Conquest in Africa, 1830–1914. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1998, 300 p.

*Wesseling H.L., Pomerans A.J.* Divide and rule: The partition of Africa, 1880–1914. Westport, Praeger Publ., 1996, 446 p.

## References

*Anglo-burskaya vojna 1899–1902 godov: opyt i perspektivy issledovaniya* [The Anglo-Boer War of 1899–1902: Experience and Research Prospects]. Moscow, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 2023, 368 p.

Yerusalimsky, A.S. *Germanskij imperializm: istoriya i sovremennost'* [German Imperialism: History and Modernity]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 664 p.

Osterhammel J. *Preobrazhenie mira. Istoriya XIX stoletiya: v 3 t.* [The Transformation of the World. History of the 19th Century: in 3 volumes], translated from German by A. Ananyeva, K. Levinson, and D. Sdvizhkov. Moscow, Novoye Literary Obozrenie Publ., 2024. (In Russ.)

Schmidt V. *Anglo-burskij konflikt v osveshchenii periodicheskoj pechati Germanii. 1895–1902 gody* [The Anglo-

Boer Conflict as Covered by the German Periodical Press. 1895–1902]. *Novaya i novejshaya istoriya* [New and Contemporary History], 2013, no. 5, pp. 218–220. (In Russ.)

*Bender S.* Der Burenkrieg und die deutschsprachige Presse. Wahrnehmung und Deutung zwischen Bureneuphorie und Anglophobie 1899–1902. Paderborn, 2009, S. 296.

*Chickering R*. We Men Who Feel Most German. A Cultural Study of the Pan-German League, 1886–1914. Boston, Allen & Unwin Publ., 1984, 365 p.

*Conrad S*. Deutsche Kolonialgeschichte, 5. Aufl. München, C.H. Beck, 2023, S. 128.

*Frech S*. Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone. Biographie eines völkischen Nationalisten (1863–1949). Paderborn, Schöningh, 2009, S. 463.

*Kröll U*. Die internationale Buren-Agitation 1899–1902: Haltung der Öffentlichkeit und Agitation zugunstender Buren in Deutschland, Frankreich und den Niederlanden während des Burenkrieges. Münster, Regensberg, 1973, S. 478.

*Leicht J*. Heinrich Claß, 1868–1953: Die politische Biographie eines Alldeutschen. Paderborn, Schöningh, 2012, S. 462.

*Pakenham T*. The Scramble for Africa: The White Man's Conquest of the Dark Continent from 1876 to 1912. New York, Random House Publ., 1991, 979 p.

*Vandervort B*. Wars of Imperial Conquest in Africa, 1830–1914. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1998, 300 p.

*Wesseling H.L., Pomerans A.J*. Divide and rule: The partition of Africa, 1880–1914. Westport, Praeger Publ., 1996, 446 p.

*Статья поступила в редакцию 23.03.2026; одобрена после рецензирования 08.04.2026; принята к публикации 01.09.2026.*

*The article was submitted 23.03.2026; approved after reviewing 08.04.2026; accepted for publication 01.09.2026.*